

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147
 УДК 572:903.531(=512.157)"13/14"

**А.Н. Багашёв¹, Д.И. Ражев¹, А.В. Зубова², Р.И. Бравина³,
 В.М. Дьяконов³, А.Д. Степанов⁴, Я.В. Кузьмин⁵, Г.В.Л. Ходжинс⁶**

¹Институт проблем освоения Севера СО РАН
 ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия
 E-mail: bagashev@ipdn.ru; rajevd0@gmail.com

²Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: zubova_al@mail.ru

³Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия
 E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_ym@rambler.ru

⁴Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
 ул. Кулаковского, 48, Якутск, 677000, Россия
 E-mail: a.d.step@yandex.ru

⁵Институт геологии и минералогии СО РАН
 пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

⁶Лаборатория ускорительной масс-спектрометрии, Университет Аризоны, США
 Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA
 E-mail: ghodgins@physics.arizona.edu

Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков*

Атласовское погребение – один из самых ранних погребальных памятников кулун-атахской средневековой культуры якутов (XIV–XVI вв.). Первоначально его возраст был определен сравнительно-типологическим методом по сопроводительному инвентарю, а позже уточнен по данным радиоуглеродного датирования, согласно которым памятник относится к раннему этапу культуры (XIV–XV вв.). Захоронение отличается сидячим положением погребенного, что является практически уникальным случаем в традиционной погребальной практике якутов. Череп был полностью покрыт берестяной повязкой, под которой скрывались следы смертельных ранений. На основе всестороннего антропологического изучения находки предпринята попытка реконструировать образ жизни и причины смерти погребенного. Исследование костей скелета показало наличие нехарактерных для столь молодого возраста (20–25 лет) серьезных патологий, связанных с чрезмерными физическими нагрузками. Это свидетельствует в пользу неординарного социального положения, реконструируемого в двух крайних вариантах – раб или воин. Вместе с тем сложная берестяная повязка, наложенная на голову, косвенно указывает на достаточно высокий статус погребенного. Это вместе с необычным погребальным обрядом (в сидячем положении) позволяет уверенно говорить, что данный индивидуум, скорее всего, принадлежал к воинам. Множественные повреждения, нанесенные рубящим оружием, свидетельствуют об ожесточенности конфликтов в период становления этнической культуры якутов. Краниологическое исследование показало морфологическое сходство погребенного с антропологическим типом современных бурят и монголов, что перекликается с эпическими данными о происхождении якутов, в этногенезе которых принимали участие бурятские или монгольские переселенцы.

Ключевые слова: Атласовское погребение, кулун-атахская культура, якуты, череп, разruby, антропологический тип, палеопатология.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00031).

**A.N. Bagashev¹, D.I. Razhev¹, A.V. Zubova², R.I. Bravina³,
V.M. Dyakonov³, A.D. Stepanov⁴, Y.V. Kuzmin⁵, and G.W.L. Hodgins⁶**

¹*Institute of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Malygina 86, Tyumen, 625026, Russia*

E-mail: bagashev@ipdn.ru; rajevo0@gmail.com

²*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia*

E-mail: zubova_al@mail.ru

³*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Petrovskogo 1, Yakutsk, 677027, Russia*

E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru

⁴*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Kulakovskogo 48, Yakutsk, 677000, Russia*

E-mail: a.d.step@yandex.ru

⁵*Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Akademika Koptuyuga 3, Novosibirsk, 630090, Россия*

E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

⁶*Arizona AMS Laboratory, University of Arizona, Tucson, AZ 85721-0081, USA
E-mail: ghodgins@physics.arizona.edu*

A Medieval Yakut Burial Near Lake Atlasovskoye of the 14th–15th Centuries: An Anthropological Study

The burial near Lake Atlasovskoye, Yakutia, is one of the earliest Yakut burials, dating back to the 14th or 15th centuries and associated with the medieval Kulun-Atakh culture. Initially, its age was assessed by the comparative typological method based on artifacts, and later a radiocarbon estimate was generated, suggesting that the burial dates to the early stage of the Kulun-Atakh culture. Its highly unusual feature is that the individual was buried in a seated position – an exceptional case in the Yakut funerary practice. The cranium was completely wrapped in a bandage sewn from birchbark sheets, under which lethal injuries were found. Our comprehensive study was aimed at assessing the individual's lifestyle and cause of death. Postcranial bones revealed pathological symptoms unusual for an early age (20–25) and caused by excessive physical strain, suggesting that the man was either a slave or a warrior. The complex birchbark bandage may indicate high status. Together with the seated position of the body, this makes the military status even more likely. Multiple traumatic lesions inflicted with a cutting tool indicate the violent nature of conflicts at the early stage of the Yakut culture. Craniometric analysis reveals Buryat and Mongol affinities, supporting epic evidence relating to Yakut origins, in which Buryat or Mongol immigrants had taken part.

Keywords: *Yakuts, Atlasovo burial, Kulun-Atakh culture, craniometry, physical type, paleopathology.*

Введение

Одинокое мужское погребение было случайно обнаружено рабочими в 2003 г. на территории ботанического сада Якутского государственного университета (ныне Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова) у оз. Атласовского в пригороде Якутска [Дьяконов, Афанасьев, 2004] (рис. 1). Координаты объекта: 61°57'57,85" с.ш., 129°37'19,51" в.д. Останки были выкопаны вызванным нарядом милиции в присутствии судмедэксперта и вывезены в городской морг. По свидетельству рабочих, костяк находился в сидячем положении, череп, полностью забинтованный берестяными полосками, залегал на глубине примерно 15–25 см, остальные кости гораздо глубже. О сидячем положении погребенного свидетельствовала и недлинная яма (130 см), установленная в ходе последующего обследования, и расположение некоторых костей стопы (рис. 2). Погребенный был ориентирован лицом на юг. Это единственный в Якутии случай, фиксирующий сидячее положение в древнем грунтовом погребении.

Сопроводительный инвентарь, судя по находкам, был немногочисленным: лук и колчан со стрелами, от которых сохранились фрагменты кибити с берестяным покрытием, пять железных и три костяных наконечников стрел (один фрагментирован), костяная концевая вставка лука, железное кольцо (рис. 3). Типологические аналогии инвентаря позволили предварительно отнести погребение к раннеякутской кулун-атахской культуре XIV–XVI вв., что позднее подтвердилось радиоуглеродным датированием.

Культурная идентификация и датировка

Железные наконечники относятся к черешковым с упором. Типологически выделяются бронебойный долотовидный срезень с развернутой по диагонали ударной головкой (рис. 3, 1), копьевидный с длинной шейкой (рис. 3, 2) и три срезня вытянуто-трапециевидной формы (рис. 3, 3–5). Костяные наконечники прямоугольные и квадратные в сечении,

Рис. 1. Расположение Атласовского погребения и план местности.

черешковые, с узким пером и уплощенным насадом (рис. 3, 7–9).

Наконечники стрел находят аналогии в материалах кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. и якутской XVII–XVIII вв. Определяющим изделием является долотовидный срезень, типологически идентичный наконечникам кулун-атахской культуры с поселений Кулун-Атах и Сырдык-Сулус [Гоголев, 1990, с. 17, 33, табл. V, 11; XXII, 3]. Костяные и роговые концевые вставки лука, аналогичные атласовской, также фиксируются в материалах этой культуры и являются непременным элементом якутских луков XVII–XVIII вв. Ранним признаком считается меньшая длина концевых вкладышей.

В Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны (г. Тусон, США) были получены три радиоуглеродные даты: по кости погребенного и образцам бересты от повязки, укрывавшей череп. Достоверной представляется первая (по кости) – 515 ± 45 л.н. (AA-86203). Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$) – 1300–1460 гг. н.э. (22,5 % вероятности – 1300–1360 гг. н.э., а 72,9 % – 1380–1460 гг. н.э.)*. Данные, полученные по бересте, в большей мере выглядят некорректными. Одна дата оказалась, на наш взгляд, удрежденной – $1\,280 \pm 40$ л.н. (AA-103992), что с учетом калибровки указывает на интервалы 650–870 ($\pm 2\sigma$) и 675–775 гг. н.э. ($\pm 1\sigma$). Использование бересты дерева, сгнившего за шесть–восемь столетий до того, как было совершено погребение, представляется маловероятным. Другая дата, по-видимому,

*Калибровка проводилась при помощи программы OxCal 3.10.

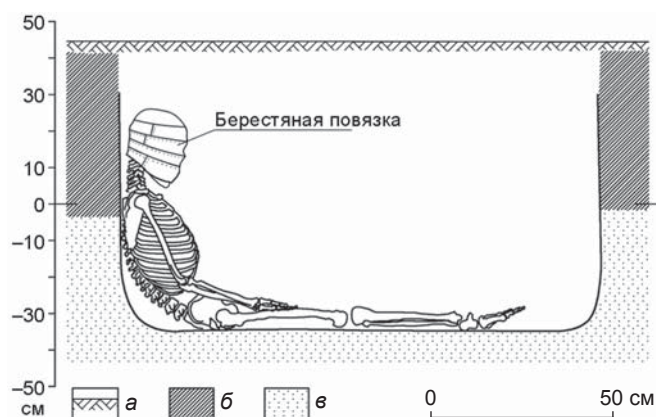

Рис. 2. Профиль Атласовского погребения.
а – дерн; б – черный гумус; в – песок.

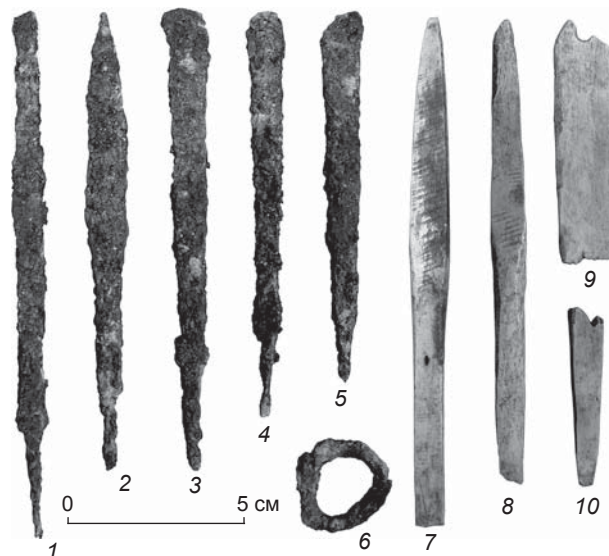

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь Атласовского погребения.

1–5, 7, 8 – наконечники стрел; 6 – кольцо; 9 – фрагмент насада наконечника стрелы; 10 – концевая вставка лука.
1–6 – железо; 7–10 – кость.

наоборот омоложена – 355 ± 40 л.н. (AA-104677). По результатам калибровки 95,4 % ($\pm 2\sigma$) указывают на 1450–1640 гг. н.э., а 68,2 % ($\pm 1\sigma$) – на 1470–1630 гг. н.э. Таким образом, наиболее вероятным представляется интервал 1380–1460 гг. н.э., полученный по кости погребенного.

По результатам радиоуглеродного датирования и типологического анализа сопроводительного инвентаря Атласовское погребение относится к раннему (кулун-атахскому) этапу (XIV–XV вв.) кулун-атахской культуры Якутии (XIV–XVI вв.). Его всестороннее исследование открывает определенные перспективы в решении вопросов этногенеза и ранней истории якутов.

Отличительные особенности погребения

Захоронение в сидячем положении не характерно для якутских традиционных погребальных обрядов XV–XVIII вв. Очевидно, данный исключительный случай обусловлен какими-то обстоятельствами, связанными со смертью, или особенностями образа жизни погребенного.

Определенный интерес вызывает берестяная повязка. После ее снятия на левой стороне черепа и нижней челюсти обнаружилось множество повреждений, нанесенные рубящим орудием, без следов заживления (рис. 4). Берестяная повязка состояла из сшитых между собой нешироких полосок очень тонкой бересты и покрывала всю голову. Эта находка дает наглядное представление о способах закрытия ран у якутов в XIV–XV вв. О подобных перевязках в якутской лечебной практике, в случаях повреждения черепа, писал в XVIII в. Я.И. Линденау [1983, с. 34].

Темно-зеленая окраска эпифизов, образующих коленные суставы, указывает на нахождение здесь медесодержащего предмета. Возможно, ноги погребенного были соединены в области колен ремнем с медной пряжкой.

Антропология

Останки принадлежат мужчине, погибшему в возрасте 20–25 лет. Мозговая коробка имеет мезо-брахикранную форму при большой высоте свода (табл. 1). Лицо

по пропорциям низкое (мезо-лептопрозопное) и характеризуется большой шириной, особенно на уровне углов нижней челюсти, по общему лицевому углу ортогнатное, а по указателю выступания и углу альвеолярной части на границе мезогнатии и прогнатии, что указывает на тенденцию к альвеолярному прогнатизму. В горизонтальной плоскости для черепа характерна средняя профилировка на уровне орбит и значительно более сильная в подносовой части. Орбиты средней ширины, но низкие (рис. 4, 1). Нос средней ширины и высоты. Переносье сильно уплощено, причем характерной особенностью является сочетание очень большой ширины с очень малой высотой как на симотическом, так и на дакриальном уровне. Угол выступания носовых костей очень мал. Нижняя челюсть характеризуется большой длиной и шириной.

Угол выступания носа, модули профилированности лица и переносья имеют значения, характерные для классических монголоидных краниологических вариантов [Гохман, 1980] (табл. 1). Можно отметить лишь определенную дисгармонию в степени горизонтальной профилированности лица – на уровне орбит его форма заметно более профилированная. Другая особенность проявляется в строении лицевого скелета и мозговой коробки: если показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) имеет величину, характерную для монголоидных вариантов, то преаурикулярный фацио-церебральный (ПФЦ) позволяет отнести данного индивидуума к промежуточным монголоидно-европеоидным. Однако подобные соотношения довольно

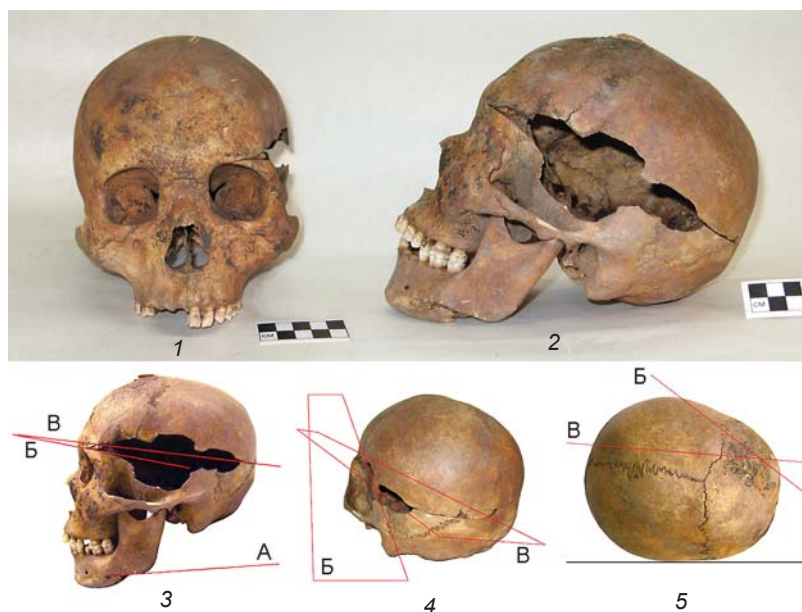

Рис. 4. Череп мужчины из Атласовского погребения со следами повреждений (1, 2) и линиями направления и конечного положения разубов (3–5). А – первый удар; Б – второй; В – третий.

Рис. 5. Анатомическая реконструкция лица человека, захороненного в Атласовском погребении.

Таблица. 1. Характеристики черепа

Признак	Величина	Признак	Величина
1. Продольный диаметр	185	72. Общий лицевой угол	85
8. Поперечный диаметр	148	74. Угол альвеолярной части	71
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	137	77. Назомалярный угол	144
8 : 1. Черепной указатель	80,0	$\angle zm'$. Зигомаксиллярный угол	141
5. Длина основания черепа	105	Модуль профилированности лица	142,5
9. Наименьшая ширина лба	98	51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	40,5
10. Наибольшая ширина лба	126	51a. Ширина орбиты от <i>d</i>	38,4
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	66,2	52. Высота орбиты	32,2
9 : 10. Лобный указатель	77,8	52 : 51. Орбитный указатель от <i>mf</i>	79,5
32. Угол профиля лба от <i>n</i>	83	55. Высота носа	53,8
GM/FH. Угол профиля лба от <i>g</i>	74	54. Ширина носа	25,4
11. Ширина основания черепа	136	54 : 55. Носовой указатель	47,2
12. Ширина затылка	112	75 (1). Угол выступания носа	14
40. Длина основания лица	103	SC. Симотическая ширина	9,7
40 : 5. Указатель выступания лица	98,1	SS. Симотическая высота	1,6
Форма черепа	Ovoides	SS : SC. Симотический указатель	16,5
Надпереносье (1–6)	4	DC. Дакриальная ширина	26,1
43. Верхняя ширина лица	99	DS. Дакриальная высота	5,6
46. Средняя ширина лица	108	DS : DC. Дакриальный указатель	21,5
45. Скуловой диаметр	141	Модуль профилированности переносья	138,5
45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,3	Общий модуль профилированности	140,5
9 : 45. Лобно-скуловой указатель	69,5	FC. Глубина клыковой ямки	4,3
48. Верхняя высота лица	75	68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	112
47. Полная высота лица	126	68. Длина нижней челюсти от углов	76
48 : 45. Верхний лицевой указатель	53,2	65. Мыщелковая ширина	125
УЛС. Указатель уплощенности лицевого скелета	109,7	66. Угловая ширина	105
ПФЦ. Преаурикулярный фацио-церебральный указатель	93,8	УДМЭ. Условная доля монголоидного элемента (по: [Дебец, 1968])	118,1

часто встречаются среди североевразийских антропологических данных. В целом условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) [Дебец, 1968] не оставляет сомнений в принадлежности черепа к монголоидным североазиатским формам. В лаборатории антропологии ИПОС СО РАН (г. Тюмень) Е.А. Алексеевой была выполнена реконструкция внешнего облика человека из Атласовского погребения (рис. 5), за что авторы выражают ей особую благодарность.

По мировым масштабам длины плечевой, бедренной и большеберцовых костей средние, а ключиц – малая (табл. 2). Обхваты же плечевой и бедренной костей и их индексы массивности малые, большеберцовой – средние. Интермембральный индекс большой, плече-бедренный и луче-плечевой средние, а берцово-бе-

дренный в масштабе Северной Евразии очень малый, в мировом масштабе малый [Мамонова, 1986; Тихонов, 1996]. Рост погребенного, реконструированный по бедренной кости по формуле М. Троттер и Г. Глезер для монголоидов, 169 см [Алексеев, 1966, с. 238]. Пропорции тела долихоморфные (относительно узкие плечи) и брахигамбные (укороченные ноги).

Во всех отделах позвоночного столба отмечаются нехарактерные для столь молодого возраста значительные проявления дегенеративно-дистрофических заболеваний (рассекающий некроз, межпозвоночные грыжи, клиновидное искривление тела), особенно сильно выраженные на шейных и поясничных позвонках. Зафиксированные патологии являются последствиями чрезмерных компрессионных нагруз-

Таблица. 2. Характеристики посткраниальных элементов (правая сторона)

Признак	Величина	Признак	Величина
Ключица		Бедренная кость	
1. Наибольшая длина	130	2. Естественная длина	442
6. Окружность	35	8. Окружность середины диафиза	80
6 : 1	26,9	21. Ширина нижнего эпифиза	21
Плечевая кость		8 : 2	18,1
1. Наибольшая длина	326	Большеберцовая кость	
7. Минимальная окружность	57	1. Общая длина	342
4. Ширина нижнего эпифиза	61	3. Ширина проксимального эпифиза	75
7 : 1	18,7	10. Окружность середины диафиза	72
Локтевая кость		10b. Минимальная окружность	67
1. Наибольшая длина	265	10 : 1	21,1
3. Минимальная окружность	35	10b : 1	19,6
3 : 2	15	Указатели	
Лучевая кость		R1 : H1 – луче-плечевой	75,8
1. Наибольшая длина	247	T1 : F2 – берцово-бедренный	77,4
3. Минимальная окружность	39	H1 : F2 – плече-бедренный	73,8
3 : 2	16,5	H1 + R1/F2 + T1 – интермембральный	73,1

Таблица. 3. Величины факторных нагрузок в совокупности анализируемых выборов (мужские черепа)

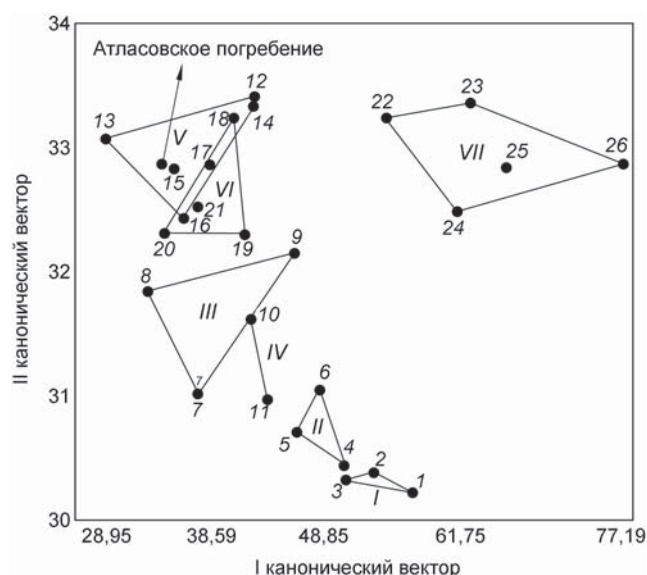
Признак	Канонический вектор	
	I	II
1. Продольный диаметр	0,1389	0,1570
8. Поперечный диаметр	–0,6192	0,1755
17. Высотный диаметр	0,4079	0,2936
9. Наименьшая ширина лба	0,2593	–0,1551
45. Скуловой диаметр	0,0644	0,2589
48. Верхняя высота лица	–0,0505	0,5006
55. Высота носа	0,1416	0,0949
54. Ширина носа	–0,3947	–0,1138
51. Ширина орбиты	0,2918	–0,2598
52. Высота орбиты	0,0816	0,1743
SS. Симотическая высота	–0,1218	–0,1241
DC. Дакриальная ширина	–0,1540	–0,1800
DS. Дакриальная высота	0,1262	–0,2426
72. Общий лицевой угол	–0,0601	–0,0517
75 (1). Угол выступания носа	0,0078	0,1948
77. Назомалярный угол	0,1390	0,2859
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	–0,0945	0,4096
Собственное значение	74,7620	58,2245
Доля изменчивости, %	34,54	26,90

зок на позвоночник [Рохлин, 1965, с. 54–56, 76–79; Рейнберг, 1964, Т. 1, с. 93–94; Ortner, Putschar, 1985, с. 121–122].

Для конкретизации таксономического положения атласовского индивидуума проведено сравнение с помощью факторного канонического анализа его краниометрических характеристик с краниологическими данными по центрально-азиатским (якуты, буряты забайкальские, западные и тункинские, тувинцы, монголы), байкальским (негидальцы, юкагиры, долганы, тунгусы оленные) и енисейским (ненцы, кеты) популяциям североазиатской формации, арктической (чукчи береговые и оленные, эскимосы западные, юго-восточные и науканские) и южно-сибирской (казахи, теленгиты, качинцы) группам, обь-иртышским (селькупы, чулымцы, тоболо-иртышские татары) и уральским (восточные и северные ханты, северные манси) популяциям западно-сибирской формации. Характер рассеивания групп в пространстве I и II канонических векторов (табл. 3) наглядно демонстрирует место атласовского индивидуума в системе антропологических типов Северной Евразии (рис. 6). Несомненна его принадлежность к центрально-азиатскому типу североазиатской формации. Конечно, необходимо иметь в виду, что в данном случае сопоставлялись особенности индивидуума с популяционными данными. Но даже с учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного

Рис. 6. Расположение антропологических выборок Сибири и индивидуума из Атласовского погребения в пространстве I и II канонических векторов.

I – обь-иртышская группа популяций западно-сибирской формации: 1 – селькупы, Тискино [Багашёв, 2001], 2 – чулымцы, Ясашная Гора [Розов, 1956], 3 – тоболо-иртышские татары [Багашёв, 1993]; II – уральская группа популяций западно-сибирской формации: 4 – восточные ханты [Дрёмов, 1991], 5 – манси северные, 6 – ханты северные, Халас-Погор [Дебец, 1951]; III – южно-сибирская группа: 7 – казахи, Бегазы [Исмагулов, 1963], 8 – теленгиты [Дебец, 1951], 9 – качинцы [Алексеев, 1960]; IV – енисейская группа популяций североазиатской формации: 10 – ненцы [Дебец, 1951], 11 – кеты [Гохман, 1982]; V – центрально-азиатская группа популяций североазиатской формации: 12 – якуты [Томтосова, 1980], 13 – буряты забайкальские, 14 – буряты западные, 15 – буряты тункинские [Дебец, 1951], 16 – тувинцы [Alexeev, 1965], 17 – монголы [Дебец, 1951]; VI – байкальская группа популяций североазиатской формации: 18 – негидальцы, 19 – юкагиры, 20 – долганы, 21 – тунгусы оленные [Там же]; VII – арктическая группа: 22 – чукчи береговые, 23 – чукчи оленные, 24 – эскимосы юго-восточные, 25 – эскимосы наукаанские [Там же], 26 – эскимосы западные [Дебец, 1975].

вида, результаты проведенного анализа позволяют констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической структуры атласовского индивидуума с антропологическим типом современных бурят и монголов.

Результаты одонтологического обследования

Одонтоскопические данные. Обследование проводилось по стандартной методике [Зубов, 1968, 2006]. В комплексе одонтологических характеристик мужчины из Атласовского погребения присутствуют умеренная лопатообразность латеральных верхних резцов (на медиальных признак зафиксировать не удалось), слабое развитие лингвального бугорка на фронтальных зубах верхней челюсти, размеры которого постепенно увеличиваются от центральных резцов к клыкам. На правом клыке можно отметить слабо выраженную вестибулярную лопатообразность. На верхнем левом первом премоляре размеры вестибулярного бугорка существенно больше, чем лингвального, здесь наблюдается небольшой дополнительный бугорок мезиального края. На вторых премолярах лингвальный и вестибулярный бугорки приблизительно одинакового размера. Гипоконус верхних первых моляров не редуцирован, на вторых представлена начальная стадия редукции – балл 4 по Дальбергу. Метаконус первых моляров также не редуцирован, на вторых редукция незначительная. Дополнительные бугорки на зубах этого класса отсутствуют. Эмалевый затек на втором верхнем моляре оценивается баллом 5.

На нижней челюсти резцы не имеют лопатообразной формы, однако на клыках наблюдается неболь-

шое увеличение краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1). Первый левый премоляр слабо дифференцирован (балл 2), второй имеет сложное трехбугорковое строение. Нижние первые моляры пятибугорковые, узор коронки «Y». Вторые моляры имеют грацильное четырехбугорковое строение, узор «X». На обоих первых молярах надежно фиксируются дистальный гребень тригониды и ямка протостилиды. Дополнительных бугорков на зубах этого класса нет, о наличии или отсутствии коленчатой складки метакониды сделать вывод нельзя из-за стертости коронок.

Интересной особенностью одонтологического статуса погребенного является гиподонтия третьих моляров на верхней и нижней челюсти. В целом по комплексу имеющихся признаков можно говорить о принадлежности погребенного к восточному одонтологическому стволу.

Палеопатологическая характеристика. В зубной системе погребенного обнаружено довольно много патологических изменений. Как на верхней, так и на нижней челюсти фиксируются системное нарушение питания тканей пародонта и поражение зубным камнем. Кариес, однако, отсутствует, что косвенно свидетельствует о небольшой доле продуктов земледелия в рационе погребенного. Также в пользу преобладания мясомолочной диеты говорит малый наклон плоскости стирания постоянных моляров. Как правило, в земледельческих популяциях наблюдается тенденция к сильному наклону их окклюзионной поверхности [Smith, 1984, p. 54]. Баллы стертости по стандартной шкале Смита [Ibid., fig. 3], применяемой для палеодиетологических исследований, распределяются несколько неравно-

мерно. На верхней челюсти средний балл для фронтальных зубов составляет 3,33, премоляров – 2,5, моляров – 2,5; на нижней – соответственно 4, 3 и 3,5. Такие показатели соответствуют пищевым стратегиям популяций с комплексным типом хозяйства, где при доминировании скотоводства практикуются также и другие способы получения пищевых ресурсов [Зубова, Мачикек, 2012, табл. 2, 3], хотя по характеристикам одного погребенного сложно говорить о том, насколько наблюдаемое распределение уровней стертости было характерно для средневекового населения Якутии в целом.

На резцах и клыках обеих челюстей и нижнем первом премоляре фиксируется системная линейная гипоплазия эмали. Традиционно ее присутствие расценивается как индикатор пищевых стрессов или острых инфекций [Грошиков, 1985, с. 42], однако она также может быть маркером наследуемых генетических или физиологических нарушений в организме, мешающих нормальному течению процессов кальцификации коронки при формировании зубов [Беляков, 1993]. На верхних зубах очень слабо выраженные бороздки прослеживаются начиная от середины коронок и выше. На нижней челюсти на резцах они наблюдаются по всей коронке, на клыках фиксируется глубокое поражение на уровне одной трети ее высоты от шейки, на премоляре – на середине. Исходя из сроков формирования эмали постоянных зубов, можно предполагать, что нарушения метаболических процессов, спровоцировавшие гипоплазию, имели место в течение длительного времени до достижения изучаемым индивидуумом возраста 4–5 лет (начальный возраст определить нельзя из-за стертости зубов). С одной стороны, однозначно связывать наблюдаемую картину с влиянием пищевых стрессов сложно, поскольку, во-первых, нельзя выпускать из виду наследственный фактор, а во-вторых, в традиционных обществах довольно часто практиковалось длительное грудное вскармливание, компенсировавшее недостатки «взрослой» диеты, не все составляющие которой хорошо усваивались детским организмом. С другой стороны, нормальное формирование эмали зубов по окончании фиксируемого периода может свидетельствовать о том, что грудное вскармливание в данном случае являлось не дополнительным источником питания подросшего ребенка, а основным. Тогда, конечно, его было явно недостаточно и это могло спровоцировать гипоплазию.

На некоторых зубах наблюдаются прижизненные сколы эмали. На верхней челюсти они имеются на левых медиальном резце и клыке, правом первом моляре; на нижней – на левых клыке и первом премоляре. Локализация сколов в определенном месте (с левой стороны рта) позволяет говорить о какой-то

привычке или виде деятельности, связанных с разгрызанием чего-то твердого, например, косточек ягод либо небольших костей.

Маркеры физической активности и реконструктивные модели деятельности и смерти

Исследование маркеров физической активности выявило следующее. Поясничный остеохондроз встречается с повышенной частотой среди лиц, работа которых связана с тяжелым физическим напряжением, особенно при сочетании с наклонным положением тела или необходимостью частых наклонов. Показатели по месту крепления реберно-ключичной связки указывают на значительные нагрузки вследствие активных движений плечевого пояса с отягощением [Tubbs et al., 2009]. Очень хорошо развитые на бедренных костях места прикрепления наружной запирательной мышцы могут интерпретироваться как результат регулярного сидения с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами [Ражев, 2009, с. 274]. Существенная выраженность по силовому типу мест прикрепления ахиллова сухожилия и плантарного апоневроза на пяточной кости свидетельствует о значительных нерезких (постепенных) нагрузках при сгибании-разгибании голеностопных суставов (достоверно говорить мы можем только о правой ноге, за неимением левого элемента). Примером таких движений могут быть толкание предмета большой массы корпусом при упоре в землю стопами, ношение тяжестей, продолжительная ходьба или бег по твердой поверхности (в обуви на тонкой подошве), работа, связанная с длительным стоянием.

Обобщение выявленных движений позволяет реконструировать определенную кинематическую схему. Молодой человек регулярно осуществлял действия, связанные с большой физической нагрузкой и наклонами корпуса. Он постоянно и разнообразно двигал руками тяжелые предметы. Пешее передвижение не вызывало перенапряжения, в то же время для него были характерны регулярные силовые движения, задействовавшие голеностопные суставы. Преобладающий способ сидения был с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами.

Подобная модель может быть реализована в разных видах деятельности. Мужчина был воином: носил тяжелые металлические доспехи и оружие, регулярно тренировался с массивным оружием, например, тяжелым копьем или батасом (пальмой). Возможный вариант – молодой человек был конным воином. Использовалось жесткое седло при тряске коня. Управление лошадью осуществлялось пятками. Основное оружие – тяжелое копье или батас. Но человек

Рис. 7. Косьба якутской косой-горбушей. Якутия. Фото И.В. Попова, конец XIX в. (из фондов ИГиПМНС СО РАН).

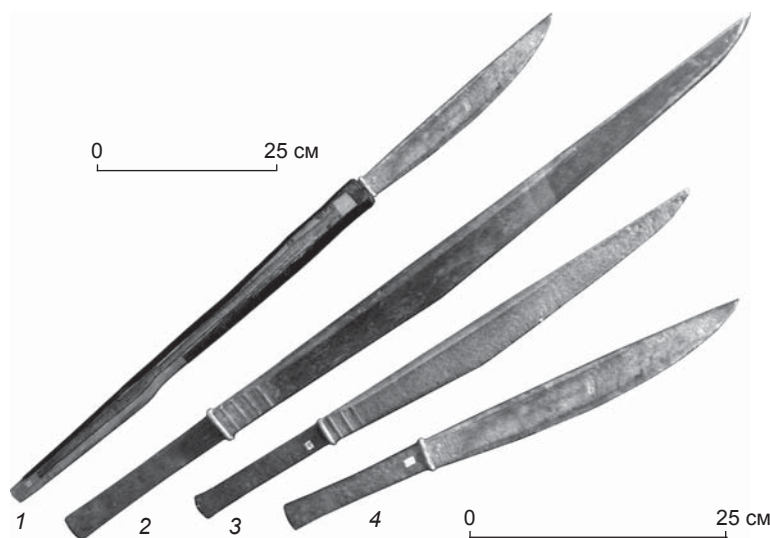

Рис. 8. Батыйи (1, 4) и батас (2, 3) якутской культуры XIV–XVIII вв. (из фондов Музея антропологии и этнографии СВФУ).

не был постоянным наездником, как кочевники, и ездил на лошади лишь время от времени, о чем свидетельствует слабое развитие мышц, отводящих и приводящих бедра. Другим вариантом или дополнением может быть косьба косой-горбушей, сопровождаемая частыми наклонами туловища, активной работой плечевого пояса, рук и ног, голеностопных суставов (рис. 7). Вместе с тем повседневная хозяйственная деятельность имеет умеренные нагрузки и приводит к патологическим изменениям по накоплению повреждений в зрелом и преклонном возрасте. В нашем же случае человек молодой, и столь сильные патологии свидетельствуют о чрезмерных и интенсивных нагрузках. Это может быть результатом либо принуждения (например, рабство), либо большой мотивации (например, воинская карьера).

Характеристики повреждений черепа позволяют идентифицировать их как разрубы, нанесенные оружием с прямым или слегка изогнутым острым массивным лезвием длиной более 17,5 см и длинной рукоятью [Судебная медицина, 1990, с. 184–186; Медико-криминалистическая идентификация..., 2000, с. 138–159]. Всего было нанесено три почти перпендикулярных удара по левой стороне головы: один (А) пришелся на нижнюю челюсть, два других (Б, В), которые могли быть смертельными, – на черепную коробку (см. рис. 4, 3–5).

Реконструируемым параметрам оружия вполне соответствуют распространенные на данной территории в рассматриваемое время батыйи и батас (пальмы) [Васильев, 1995, с. 91–95, табл. 4]. Это древковое ору-

жие с кованым массивным клинком. У батыйи полукруглое лезвие длиной до 35 см (рис. 8, 1, 4), у батаса – угловатое длиной до 45–72 см (рис. 8, 2, 3).

Череп не рассечен полностью, несмотря на большую силу воздействия. Это указывает на то, что голова в момент ударов не была жестко зафиксирована, т.е. либо человек стоял, либо его голова находилась на пружинящей или проминающейся поверхности (например, мох, глубокий снег). Преимущественно заднее пересечение линий разрубов свидетельствует о том, что наносивший удары располагался сзади жертвы (см. рис. 4, 5). Ранение, последствия которого наблюдаются на левой стороне челюсти (А), возможно, было нанесено самым первым (см. рис. 4, 3). Этот удар можно представить как нанесенный в состоянии схватки лицом к лицу, когда мужчина попытался увернуться, откинувшись назад и отклонив голову в направлении удара. Альтернативный вариант: удар наносился сзади по шее лежащего или стоящего человека, которая оказалась закрытой мягким воротником, одеждой или защитным снаряжением (т.к. шейные позвонки не повреждены, а челюсть была задета только концом оружия).

Заключение

Атласовское погребение – один из немногих уникальных якутских погребальных памятников раннего периода (XIV–XV вв.) кулун-атахской культуры (XIV–XVI вв.) и единственное захоронение в си-

дичем положении, не имеющее в Якутии аналогов по своему обряду.

Антропологическое сходство атласовского индивидуума с современными бурятами и монголами в определенной степени подтверждает легендарную версию происхождения якутов, согласно которой в их этногенезе самое непосредственное участие принимали бурятские или монгольские переселенцы. В исторических преданиях говорится, что один из легендарных прародителей якутов – Омогой Баай был человеком бурятской народности. Бежав с юга, он поселился в ленской долине Туймаада [Эргис, 1960, с. 55–73; Предания..., 1995, с. 49, 55]. Татарин или бурятом называют и другого прародителя – Эллэя Боотура, который в скором времени присоединился к Омогою [Окладников, 1955, с. 341; Эргис, 1960, с. 73, 77; Предания..., 1995, с. 55; Ксенофонов, 1977, с. 35].

Выявленные значительное физическое развитие и патологические изменения для молодого человека интерпретируются с наибольшей вероятностью как характерные для воина. Об этом же, возможно, свидетельствует погребальный обряд. Захоронение в сидячем положении, вероятно, обусловлено особым статусом погребенного (воинская элита? подвиг?). Достаточно сложная и аккуратная берестяная повязка, наложенная посмертно, указывает на некие действия, связанные с ритуалами или почетными проводами, что может свидетельствовать о нерядовом ранге или избранности погибшего.

Множественные рассечения на черепе показывают ожесточенность конфликтов в тот период, когда происходило становление этнической культуры якутов. Возможно, сохранившиеся в памяти народа предания о легендарных временах истребительных войн «кыргыс уйтэ» являются отзвуком этой эпохи.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Краниология хакасов в связи с вопросах их происхождения // Тр. Киргиз. комплекс. археол.-этногр. экспедиции. – М., 1960. – Т. 4. – С. 269–364.
- Алексеев В.П.** Остеометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.
- Багашёв А.Н.** Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 159 с.
- Багашёв А.Н.** Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – Вып. 3. – С. 159–174.
- Беляков Ю.А.** Стоматологические проявления наследственных болезней и синдромов. – М.: Медицина, 1993. – 257 с.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.
- Гоголев А.И.** Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1990. – 192 с.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 5–34.
- Гохман И.И.** Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 9–42.
- Грошиков М.И.** Некариозные поражения тканей зуба. – М.: Медицина, 1985. – 176 с.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Наука, 1951. – 264 с. – (ТИЭ; т. 17).
- Дебец Г.Ф.** Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 13–22.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – С. 198–240.
- Дрёмов В.А.** Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. – М.: ИЭА РАН, 1991. – С. 10–28.
- Дьяконов В.М., Афанасьев А.С.** Атласовское захоронение – новый памятник кулун-атахской культуры в Центральной Якутии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: мат-лы XLIV Регион. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2004. – С. 257–259.
- Зубов А.А.** Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 199 с.
- Зубов А.А.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.
- Зубова А.В., Мачикек М.Л.** Пищевые стратегии в скотоводческих обществах: одонтологические данные // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 149–157.
- Исмагулов О.** Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. – 1963. – Т. 82. – С. 65–95.
- Ксенофонов Г.В.** Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / отв. ред. акад. А.П. Окладников. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Мамонова Н.Н.** Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических исследований // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. – М.: Наука, 1986. – С. 21–32.
- Медико-криминалистическая идентификация:** Настольная книга судебно-медицинского эксперта / ред. В.В. Томилин. – М.: Норма, 2000. – 472 с.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I: Якутия до присоединения к Русскому государству. – 430 с.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. – Новосибирск: Наука, 1995. – 400 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Ражев Д.И. Биоантропология саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов: в 2 т. – М.: Медицина, 1964. – Т. 1. – 530 с.; Т. 2. – 573 с.

Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ. – 1956. – Т. 33. – С. 340–373.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. – М.: Наука, 1965. – 302 с.

Судебная медицина / ред. В.Н. Крюков. – М.: Медицина, 1990. – 448 с.

Тихонов А.Г. Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа // Вестн. антропологии. – 1996. – Вып. 2. – С. 168–180.

Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 121–129.

Эргис Г.У. Исторические предания и рассказы якутов: в 2 ч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. 1. – 324 с.

Alexeev V.P. Kraniologische Daten und die Entstehung der Völker des Altai und Sajan // Anthropologischer Anz. – 1965. – Jg. 28, H. 1. – S. 54–61.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1985. – 488 p.

Smith B.H. Patterns of Molar Wear in Hunter-Gatherers and Agriculturalists // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1984. – Vol. 63. – P. 39–56.

Tubbs R.S., Shah N.A., Sullivan B.P., Marchase N.D., Comert A., Acar H.I., Tekdemir I., Loukas M., Shoja M.M. The costoclavicular ligament revisited: a functional and anatomical study // Rom. J. of Morphol. and Embryol. – 2009. – Vol. 50, N 3. – P. 475–479.

*Материал поступил в редколлегию 20.04.15 г.,
в окончательном варианте – 03.11.15 г.*